

Творческое поведение Виталия Молчанова

Наталья Веркашанцева, фото автора

ГОВОРЯТ, БИОГРАФИЯ ПОЭТА – В ЕГО СТИХАХ. ВИТАЛИЙ МОЛЧАНОВ НЕ ИСКЛЮЧЕНИЕ. НО ЛИНИИ ЕГО СУДЬБЫ ПЕРЕПЛЕТЕНЫ С СУДЬБОЙ СТРАНЫ, КАК ЭТО И БЫВАЕТ У НАСТОЯЩИХ ПОЭТОВ. ВЗЯТЬ ХОТЯ БЫ ЕГО ПОЭМУ «РУССКИЕ» – О РАСПАДЕ СССР, В РЕЗУЛЬТАТЕ КОТОРОГО ОН, УРОЖЕНЕЦ БАКУ, ОКАЗАЛСЯ В ОРЕНБУРГЕ.

– Виталий Митрофанович, как получилось, что вы родились в Азербайджане?

– Отца в конце 1941 года тяжело раненного отправили туда в эвакуацию. Там же оказались и мама с бабушкой. Отец лежал в госпитале, нашпигованный осколками, которые не все смогли удалить. Но главное – врач-грузин спас ему ногу. Я родился и рос в Баку. И после армии вернулся обратно домой. Там как раз происходили печально известные события – Сумгаит, Карабах. Я был свидетелем всего этого. Но не долго: собрал вещи, перевёлся из Бакинского нефтяного института в Губкинский и уехал в Москву. Не я один покинул родной город. Если взять мой класс – можно географию изучать. Один одноклассник уехал в Торонто, другой – в Монреаль, третий – в Нью-Йорк, четвёртый – в Лос-Анджелес. Разбросало по всему миру.

– В общем, русских не осталось...

– Это коснулось в первую очередь армян. И что самое страшное – смешанных браков. Будто выпустили злого джинна из бутылки. Я знал одного азербайджанца, хороший парень. Дружили с ним. Но когда произошёл «рост национального самосознания», он записался в народный азербайджанский фронт, ходил на площадь Свободы, митинговал. Сейчас счастливо живёт в Германии. И где народный фронт? И куда национальное самосознание подевалось? Во многих бедах виновата наша советская и постсоветская интеллигенция. Конфликты раздували академии наук. Одни орали: мы – древнейший этнос, другие – нет, мы. Находили какие-то раскопки. Ну и докопались.

Однако обиды ни на кого не держу. Никто меня не гнал. Но находиться в этом бедламе мне не хотелось. Поэтому уехал. Ещё одна моя малая родина – Новгород-Северский, где происходило действие «Слова о полку Игореве». Самая северная точка Украины – 40 километров до России, столько же до Белоруссии. Отец увозил меня на лето к тёте. Возвращался я с жутким словарным запасом. На стыке трёх славянских говоров народ говорил на таком суржике, что этимология некоторых слов для меня до сих пор загадка. Например, гевало, чипирадла.

– Хорошая школа для литератора...

– Знать бы ещё, что они означают. Так что картинки из бакинского и новгород-северского детства одинаково яркие. Была великая страна. Мы чувствовали себя

– Стихи всегда во мне были. Я никуда не мог уйти от них. Начал рифмовать с трёх лет. После школы, которую окончил с медалью, хотел поступать в литературный институт. Но туда принимали после службы в армии. Поступил в нефтяной на геологоразведочный факультет, потому что считал, что это романтика.

принадлежащими к великому советскому народу. Поэтому мне была родина – и там, и там. Когда всё это сломали об колено, когда раскрошили всё это на географической карте – это была трагедия. Особенно это горько осознавать по отношению к русским, украинцам и белорусам. Это единый славянский народ. И им быть разобщёнными никак нельзя.

– Вы учились в нефтяном институте, а стали поэтом...

– Стихи всегда во мне были. Я никуда не мог уйти от них. Начал рифмовать с трёх лет. После школы, которую окончил с медалью, хотел поступать в литературный институт. Но туда принимали после службы в армии. Поступил в нефтяной на геологоразведочный факультет, потому что считал, что это романтика. Пока учился в Баку, так оно и было. Мы ездили на границу с Дагестаном, лазили по горам. Живописнейшие места. А когда оказался в Москве, разочаровался в выбранной профессии. Там была тупая камеральная работа в типичной конторе, как в «Служебном романе». В обед играли в теннис, бегали за пайками.

– Видимо, и впрямь, как сказал Евгений Евтушенко, поэт в России больше, чем поэт. Сколько говорим, и всё о прозе жизни...

– Поэзия везде. Куда от неё денешься? Я живу в районе вокзала. Мне интересны те персонажи, с которыми я там сталкиваюсь, события, которые там происходят. И я решил написать об этом, ни слова не придумывая, ничего не приукрашивая – как оно есть. Подборка этих стихов выйдет в декабрьском номере журнала «Плавучий мост», который издаётся в Германии.

– В 2015 году вы неожиданно издали сборник стихов для детей. Как произошёл шаг в сторону детской поэзии?

– Делали мы детскую книгу. Хороший

художник нарисовал иллюстрации. А автору книги они не понравились. Она предпочла картинки из интернета. Было жалко предавать забвению талантливые рисунки. А у меня две дочери. Я для них что-то писал. Из этого и получилась книга «Про лешего и не только». Но я вам скажу, чтобы писать для детей, надо перестраивать мозг. Я сугубо взрослый поэт. И даже ни разу не юморист. Журналист «Литературной газеты» Сергей Сатин назвал мои стихи «ироническим потоком лирического сознания». Но я любопытный: много направлений перепробовал. Венок сонетов написал. И перевёл азербайджанского поэта. Мне доставляет колоссальное удовольствие всем этим заниматься.

– Вы являетесь председателем Оренбургского отделения Союза российских писателей, директором Дома литераторов. Как вам удаётся совмещать административную и общественную работу с поэтическим творчеством, которое, как известно, дело одинокое.

– Пишешь ведь не тогда, когда много свободного времени, а когда неможешь. Когда тема созрела, когда пришла первая строчка. И если день расписан по минутам, выкраиваешь время ранним утром, поздней ночью, днём на коленке. В таких условиях пишется легче. Когда некогда голову поднять, стихотворчество превращается в праздник.

– Вы, живя в Оренбурге, открываете для себя весь мир, участвуя в международных поэтических конкурсах. Знаете, где что происходит...

– И меня знают. Я много езжу. Встречаюсь с людьми. Наша поэтическая тусовка не такая большая. И прозаическая тоже. Мы все прекрасно знаем кто, что и как пишет. Творческий процесс – он неровный. Но хуже всего – отсутствие «творческого поведения». Это гибельно для литератора. Не пишутся сегодня стихи? Ну, напиши рецензию на своего товарища, поковыряйся с текстами молодых. Живи в литературе. Если ты уже взял эту волшебную скрипку, как говорил Гумилёв, не выпускай её из рук. Поэзия – упорный труд.

– Вы отмечены премиями многих конкурсов. Какая из наград вам наиболее дорога?

Я любопытный: много направлений перепробовал. Венок сонетов написал. И перевёл азербайджанского поэта. Мне доставляет колоссальное удовольствие всем этим заниматься.

– Я их все люблю, потому что добивался своим трудом. Особенно люблю участвовать в анонимных конкурсах, где всё честно – подборки стихов идут не под фамилиями, а под номерами. В международном конкурсе имени поэта-фронтвика Сергея Петрова, который проводили журналы «Юность» и «Студенческий меридиан», получил одну премию за лучшее стихотворение, другую – за третье место. В конкурсе Союза писателей Крыма на соискание премии Куприна, участвуя инкогнито, занял третье место за стихи про Крым. Вот это для меня особенно ценно.

– Недавно вы побывали с коллегами в Донецке. Что заставило поехать туда?

– Хотелось посмотреть на всё своими глазами. Посмотрели. Убедились: всё, что происходит там – последствия распада

Оренбург уже полюбил. Хотя первое время не любил. Он мне был неинтересен. Иногда хочется в Москву. Но мы ещё тут не всё сделали. У меня есть мечта: хочу, чтобы у нас появилась большая оренбургская книжная ярмарка. В Самаре есть, в Челябинске есть. Надо и у нас сделать. Это непросто. Но надо затеять.

СССР. Наши люди, оставшись на якобы чужой территории, не дают себя сломать. Несмотря на то, что живут под обстрелом, усиливающимся по праздникам. Там даже маленькие дети по звуку определяют, что стреляет – миномёт 80-го калибра или 120-миллиметрового. Люди приезжали на наши выступления за 50 – 60 километров и смотрели на часы, чтобы успеть вернуться домой до комендантского часа. В 8 – 9 вечера в Донецк, и Макеевка будто вымирают. За четыре года войны у дончан произошло изменение сознания. Они не мечтают о материальных благах. Они хотят только одного – мирного неба. В эти трудные годы люди стали более сплочёнными, научились помогать друг другу. Поэтому культура там на большой высоте.

На спектакли за две недели билеты не найдёшь – всё раскупается. Библиотеки переполнены. А сколько литобъединений! При каждой библиотечке. Кто не писал, стал писать. Вышла женщина, читает стихотворение. Не профессионал. Но про войну, ребёнка. И тут ты узнаёшь, что она медсестра, и вывела из-под обстрела свыше тысячи людей. И стала писать стихи в это тяжёлое время. До такой степени обострены чувства. И человеческое над плотским возросло в этих людях. Когда у нас проводишь вечер, особенно, если студентов привели, оторвав от интернета, они не могут сидеть спокойно, руки тянутся к телефону. А там – люди тянутся к литературе, живому слову. Я сказал коллегам, когда уезжали из Донецка: мы здесь больше нужны, чем в Оренбурге. А сколько писем я получил за это время! Сейчас готовим подборку «Донецкая тетрадь», которая будет опубликована в альманахе «Гостинный двор». Если будет ещё возможность, ещё поеду.

– Оренбург стал для вас близким?

– Я здесь почти четверть века. Оброс связями, друзьями, врагами, детьми, жёнами. Родителей здесь похоронил. Так что Оренбург уже полюбил. Хотя первое время не любил. Он мне был неинтересен. Иногда хочется в Москву. Но мы ещё тут не всё сделали. У меня есть мечта: хочу, чтобы у нас появилась большая оренбургская книжная ярмарка. В Самаре есть, в Челябинске есть. Надо и у нас сделать. Это непросто. Но надо затеять.

– Недавно вы отметили свой юбилей. Что для вас значит число 50?

– Да ничего не значит. Ну не чувствую я себя на 50 лет. Пока есть охота, пока есть порох в пороховницах, надо работать. У нас в городе всё делается для того, чтобы можно было спокойно творить.

Примечание: суржик (от названия суржик – «хлеб из муки смеси разных видов зерна») – разговорный язык, включающий элементы украинского и русского языков, распространённый на Украине, а также в соседствующих с ней областях России и в Молдове.